

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 113—122.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 113—122.

Научная статья

УДК 343.9(091) (470.316)

DOI: 10.46726/И.2022.2.13

ПРЕСТУПЛЕНИЯ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ (По архивным материалам Ярославской области)

Денис Васильевич Тумаков

Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России,
г. Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании рассекреченных документов партийных организаций и силовых структур Ярославской области анализируются причины грубых нарушений законности со стороны местных милиционеров в первые послевоенные годы. Приводятся наиболее яркие и характерные примеры такого рода. Как правило, они имели место в периферийных районах области. О каждом из таких случаев командование правоохранительных органов немедленно информировало руководство обкома правящей партии. Виновные подвергались строгим наказаниям: их лишали воинских званий, снимали с должности, в некоторых случаях даже арестовывали и предавали суду Военного трибунала. Тем не менее, в ряде других случаев командование стремилось найти смягчающие обстоятельства для действий своих подчинённых, пыталось вывести из-под удара некоторых офицеров органов внутренних дел. Одновременно оно акцентировало внимание партийно-советского руководства Ярославской области на том, что пострадавшие от действий милиционеров граждане являются активными уголовными преступниками. Свою роль в широком распространении нарушений законности сыграл и настоящий всплеск преступности в послевоенное время. Автор приходит к выводу о том, что подобные действия стражей порядка обуславливались взаимной жестокостью преступного мира и власти того периода.

Ключевые слова: нарушения законности, милиция, криминал, послевоенный период, сталинизм

Для цитирования: Тумаков Д.В. Преступления работников правоохранительных органов послевоенных лет в историческом контексте эпохи: (по архивным материалам Ярославской области) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 113—122.

Original article

CRIMES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS OF THE POST-WAR YEARS IN THE HISTORICAL CONTEXT OF THE ERA (Based on archival materials of Yaroslavl region)

Denis V. Tumakov

Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Yaroslavl, Russian Federation, denistumakov@yandex.ru

Abstract. On the basis of declassified documents of party organizations and law enforcement agencies of the Yaroslavl region, the article analyzes the causes of gross violations of the law by local policemen in the first post-war years. The most striking and characteristic examples of this kind are given. As a rule, they took place in the peripheral areas of the region. The command of law enforcement agencies immediately informed the leadership of the regional committee of the ruling party about each of these cases. The perpetrators were subjected to severe punishments: they were deprived of military ranks, removed from their posts, in some cases even arrested and put on trial by the Military Court. Nevertheless, in a number of other cases, the command group sought to find mitigating circumstances for the actions of their subordinates, tried to take some officers out from under the blow of the internal affairs bodies. The command also tried to focus the attention of the party-Soviet leadership of the Yaroslavl region on the fact that citizens affected by the actions of policemen are active criminals. A real surge in crime in the post-war period played a big role in the widespread violation of the rule of law. The author comes to the conclusion that such actions of the guards of order were caused by the mutual cruelty of the criminal world and the authorities of that period.

Keywords: violations of the law, police, crime, post-war period, Stalinism

For citation: Tumakov D.V. Crimes of law enforcement officers of the post-war years in the historical context of the era: (Based on archival materials of Yaroslavl region), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 113—122.

Первые послевоенные годы ознаменовались резким ростом уголовной преступности в Советском Союзе. Согласно «Сведениям о состоянии уголовной преступности по стране», приложению к совершенно секретной докладной записке министра внутренних дел генерал-полковника С.Н. Круглова в Совет Министров СССР, в 1945—1949 гг. было зарегистрировано свыше 2 млн различных преступлений (убийств, разбойных нападений, изнасилований, краж всех видов, хулиганских проявлений и др.) [На «краю» советского общества: 175]. При этом в указанном документе не учитывались данные транспортных органов милиции, что позволяет считать официальную статистику неполной. Об общем размахе преступности ярко свидетельствует тот факт, что число вооружённых ограблений в Москве увеличилось с 26 в 1940 г. до 103 в 1945 г. и до 175 в 1947 и 1948 гг. [Зубкова: 91]. Преступные проявления возрастали на всей территории страны, не стала исключением из общего правила и Ярославская область. Для перелома сложной криминогенной ситуации от советских стражей порядка требовался высокий уровень дисциплины и квалификации. Осенью 1945 г. начальник Управления МВД (УМВД) по Ярославской области генерал-майор В.В. Губин в статье для областной газеты «Северный рабочий» утверждал, что работники милиции

воспитываются как «честные, бдительные и стойкие защитники советского государства, готовые к самопожертвованию во имя охраны государственной собственности, жизни и имущества населения». Публикация была проиллюстрирована многочисленными примерами подвигов милиционеров [Губин].

Но подчас они и сами совершали грубейшие преступления. Целью настоящего исследования является их исследование в историческом контексте эпохи позднего сталинизма. В июле 1947 г. Губин отправил на имя первого секретаря обкома ВКП(б) И.М. Турко справку «О фактах нарушения социалистической законности работниками Курбского, Ильинского, Ярославского РО МВД, 2-го отделения милиции и ОУР УМВД ЯО». Документ пестрел красноречивыми фактами применения стражами порядка физических мер воздействия во время допросов. В подобных правонарушениях были замечены начальник Курбского районного отделения (РО) МВД Е., его заместитель Л., оперуполномоченный Д., а также участковые уполномоченные С. и К. [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 69]. В декабре 1946 г. Е. и Д. более чем на месяц поместили в камеру предварительного заключения, а затем неоднократно избивали на допросе свидетельницу Б. с целью узнать местонахождение бандита Х. Не выдержав жестокого обращения, женщина была вынуждена солгать, что преступник находится у своей тётки в совхозе «Огородный». При выезде на место работники МВД задержали рабочего Д., подозревавшегося в связях с преступным миром, причём при задержании начальник Курбского РО МВД ударил его. Тем не менее, бандит Х. так и не был задержан, поэтому за дачу ложных сведений гражданку Б. вновь подвергли избиению [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 69]. В январе 1947 г. физическому воздействию в том же РО подверглись заключённые, пытавшиеся совершить побег. В результате Военный трибунал (ВТ) осудил Е. и Д. к 8 и 5 годам лишения свободы соответственно, прочие фигуранты были подвергнуты аресту на срок от 10 до 20 суток [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 70].

В ноябре-декабре 1946 г. в Ильинском районе Ярославской области в избиениях граждан, подозревавшихся в хищении овец и 417 кг зерна с колхозного склада, были замечены начальник местного РО МВД майор Ч. и его заместитель капитан Р. Офицеров милиции тоже приговорили к 15—20 суткам ареста и предупредили о предании суду ВТ в случае повторения подобных случаев в дальнейшем. К тому же Ч. был снят с должности и, как свидетельствовал начальник УМВД, переведён «на неруководящую работу» [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 70—71]. В Ярославском сельском районе в январе-мае 1946 г. следователь РО МВД С. и начальник милиции У. на допросах наносили побои участникам некой «молодёжной группы» из 6 человек, однако состав преступления так и не был доказан. После жалоб обвиняемых уголовное дело было прекращено, все они выпущены из-под стражи, а упомянутые работники МВД приговорены к 10—15 суткам ареста [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 72]. В феврале 1947 г. за аналогичные нарушения закона суду ВТ были преданы помощники оперуполномоченного 2-го отделения милиции Ярославля С. и К., дисциплинарным взысканиям подверглись помощник начальника отделения Ш., заместитель начальника Отдела уголовного розыска (ОУР) УМВД капитан милиции З. и его подчинённый К. [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 73].

В общей сложности, подытоживал генерал-майор В.В. Губин, за 1946 г. 3 офицера МВД были осуждены к различным срокам лишения свободы за избиения граждан, их незаконные задержания или обыски в квартирах, ещё

23 сотрудника были наказаны в дисциплинарном порядке [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 73—74]. За первый квартал 1947 г., как следовало из того же документа, ВТ осудил за нарушения социалистической законности также 3 работников исправительно-трудовой колонии № 4, включая начальника и его заместителя [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 74]. Более того, начальник УМВД стремился продемонстрировать партийному руководству неизбежность наказания даже для командования силовых структур на периферии. В течение 1947 г. как «несправляющиеся с работой и не соответствующие своему назначению» были сняты с должности и заменены начальники Курбского, Ильинского, Большесельского, Давыдовского и Пошехоново-Володарского РО МВД, а о неполном служебном соответствии предупреждены их коллеги из Середского, Брейтовского и Пречистенского РО [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 75—76].

Проблема приняла настолько серьёзный характер, что оказалась вынесена на бюро ярославского обкома ВКП (б). В постановлении «О фактах нарушения социалистической законности в Курбском, Ильинском, Ярославском РО МВД и 2-м отделении милиции гор. Ярославля» шла речь об утрате коммунистами чувства ответственности за порученное им дело, отсутствии надлежащего контроля и проверки работы РО и даже о «совершенно неудовлетворительном руководстве» ею со стороны командования УМВД. Критике за слабый интерес к деятельности органов милиции подверглись также прокуратура и местные райкомы ВКП (б) [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 77—78]. По советской традиции, в документе наличествовали канцелярские штампы типа «указать», «принять к сведению», «обязать» и «обратить внимание», а совершённые провинциальными милиционерами правонарушения расценивались как вред для всей страны. Так, бюро обкома охарактеризовало милиционеров-нарушителей законности как «обывателей, деляг, своими действиями, наносящими вред нашему Советскому Государству» [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 77], а потому потребовало «разъяснить всем работникам МВД и милиции, что нарушение социалистической законности является тяжчайшим преступлением перед родиной, наносящим вред делу социалистического строительства» [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 78].

Тем не менее, отчёты начальника УМВД и грозные партийные филиппики вовсе не означали урегулирования проблемы. Спустя полгода в сообщении на имя секретаря обкома ВКП(б) по кадрам Б. А. Новожилова всё тот же генерал-майор В.В. Губин докладывал об аналогичном случае в Масловском районе. Вечером 29 ноября заключённый П. был избит на допросе в местной прокуратуре начальником РО МГБ Б. при явном попустительстве районного прокурора, причём оба служителя закона в этот момент были пьяны [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 107]. Сам пострадавший утверждал, что правоохранители при помощи нецензурной брани и побоев требовали от него подписать признание в убийстве, которого он не совершал [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 108—109]. Факт оскорблений и избиения П. со стороны пьяного чекиста подтверждался и рапортом оперуполномоченного уголовного розыска Масловского РО МВД А. А. Кораблёвым, который был вынужден увести заключённого [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 110—111].

Регулярные случаи избиений заключённых в периферийных отделениях МВД послевоенной эпохи не были случайностью. Полковник милиции в отставке А.Г. Трифонов — фронтовик, начавший службу в структурах МВД в конце 1945 г. с должности помощника оперуполномоченного в Рыбинске,

упоминал, что избивание задержанных в послевоенное время практиковалось и там. Из его воспоминаний следует, что так поступил следователь Ю.М. Егачев — сын начальника местного отдела НКВД — по отношению к молодому инвалиду по имени Константин («со всей силы ударил задержанного кулаком по голове»), который ранее дважды был судим, а теперь подозревался в убийстве милиционера на городском рынке [История ярославской милиции: 85—86].

Дисциплина и профессионализм работников правоохранительных структур вызывали тревогу командования УМВД и властей. Рассекреченные документы ярославского обкома ВКП(б) за 1946—1947 гг. свидетельствуют о снятии с должностей с формулировками «за плохую работу», «профнепригодность» или «злоупотребления по работе» заместителя начальника Бурмакинского районного отделения (РО) МВД по милиции П.П. Калистова и ряда сотрудников Пошехоно-Володарского, Брейтовского и Шекнинского РО МВД, а также Красноперевальского и Кировского отделений милиции Ярославля [ЦДНІЯО: ф. 272, оп. 225, д. 505, л. 1—2, 4—5, 11, 14]. Наказания в этот период затронули и руководящий состав областной прокуратуры, где за незнание основ работы, недисциплинированность и недобросовестность, а также за пьянство и «распущенное поведение в быту» были сняты ответственные работники Дмитриева и Волков. Начальника отдела по надзору за милицией Борисова и сменившего его на этой должности Гинбаева по тем же причинам понизили в должности [ЦДНІЯО: ф. 272, оп. 224, д. 171, л. 3].

Согласимся с тезисом современного уральского исследователя В.Н. Мамяченкова о том, что свердловская милиция 1940-х гг. «была такой, каким было всё послевоенное общество» [Мамяченков: с. 209]. Данное высказывание вполне актуально и для Ярославской области. Грубость и жёсткие методы управления в целом были характерны для партийно-советского аппарата сталинской эпохи. Так, 2 апреля 1947 г. в докладе на XII пленуме ярославского обкома ВКП(б) первый секретарь И.М. Турко резко осудил практику частой смены председателей колхозов в Даниловском районе и имевшего при этом место «грубого администрирования» и даже пригрозил всем секретарям райкомов ВКП(б), что отныне будет невозможно снять колхозное начальство с должности без предварительного согласования с обкомом по телефону. Турко критиковал секретарей райкомов за то, что они «партийные собрания, которые положено проводить, не проводят, а под суд отдают. Это ведь легче всего, кричать на всех», и заверил собравшихся в том, что «такое отношение к кадрам мы дальше терпеть не можем» [ЦДНІЯО: ф. 272, оп. 225, д. 309, л. 14]. Подобный факт был отнюдь не единственным.

В силу этого не будет лишним упомянуть, что косвенно на жестокие методы дознания со стороны руководящего состава периферийных РО МВД повлияла и сама партийная номенклатура. На упоминавшемся выше строго секретном совещании от 12 декабря 1946 года секретарь ярославского обкома ВКП (б) по кадрам Б. А. Новожилов утверждал, что причиной роста криминальных проявлений в регионе стало ослабление деятельности структур правопорядка, которые «не приняли более решительных мер в части пресечения преступной деятельности грабительских, воровских и других уголовных элементов и расхитителей социалистической собственности» [ЦДНІЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 1]. По сложившейся советской традиции, соглашаясь с критикой высокопоставленного представителя власти, начальник УМВД генерал-майор В.В. Губин тоже заявил о появлении в работе некоторых его

подчинённых «элементов благодушия, беспечности» и «рассуждения о том, что после войны можно работать полегче, потише» [ЦДНИЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 2]. От таких умонастроений власти и командований решительно потребовали отказаться.

Подводя итог совещанию, тот же Новожилов потребовал от ярославских стражей порядка «быть беспощадными и решительными и в то же время умелыми работниками в борьбе с преступными элементами» [там же: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 55], а также призвал их нанести «удар <...> с такой силой, чтобы весь преступный мир почувствовал» [ЦДНИЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 56]. Добавим к этому, что не только воинственная и подчас откровенно грубая риторика власть предержащих любого уровня, но и соответствующие способы получения различными силовыми структурами информации в ходе следствия также были характерны для сталинской эпохи. Ещё в начале 1940-х гг. не менее 17 сотрудников правоохранительных органов Ярославской области были привлечены к уголовной ответственности и осуждены за грубейшие нарушения законности (избиения, беспрерывные длительные допросы, лишение сна, помещение подследственных в зимнее время в карцер или в холодные неотопливаемые помещения, угрозы ареста родственников и др.) [Матвеев].

Несмотря на жёсткое осуждение незаконных действий своих подчинённых, командование УМВД было вынуждено учитывать факт общего некомплекта сотрудников — к 1 января 1947 г. он составлял 146 человек. В докладной записке в обком партии В.В. Губин объяснял этот факт низкой зарплатой и непрестижностью милицейской службы в народе [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 14]. Поэтому командование правоохранительных органов всё же попыталось найти смягчающие обстоятельства для провинившихся офицеров милиции. Хотя факты избиений арестованных и задержанных граждан подтверждались тюремными врачами [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 80], начальник УМВД в совершенно секретном донесении от 14 августа 1947 г. акцентировал внимание первого секретаря обкома ВКП(б) И.М. Турко на прежних заслугах виновников. Так, бывший начальник Ильинского РО МВД майор Ч. служил в органах правопорядка свыше 16 лет, относился к службе добросовестно и имел правительственные награды [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 81]. В другом документе В.В. Губин докладывал партийному руководству, что две дочери этого офицера больны туберкулёзом, а сам он тоже нуждался в лечении [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 71]. Его заместитель капитан Р. в предыдущие годы отличился при ликвидации «бандитско-грабительских группировок» [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 71], а бывший заместитель начальника ОУР З. после перевода на должность начальника отдела уголовного розыска в город Щербаков (название Рыбинска в 1946—1957 гг.) в течение короткого времени заметно улучшил работу отдела. В частности, им были раскрыты несколько крупных краж и обнаружены две вооружённых грабительских группы [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 82].

В приведённых документах значились и негативные характеристики пострадавших от милицейских побоев граждан. В частности, В.В. Губин упомянул, что двое жителей Ильинского района, подозревавшихся в совершении краж и избитых за это Ч. и Р., позднее были приговорены народным судом к 3 и 4 годам лишения свободы, а ещё два — к условным срокам [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 71]. Пострадавшими от действий офицеров ОУР были вор-рецидивист Ч., который похитил из кассы магазина

отдела рабочего снабжения (ОРС) фабрики «Красный Перекоп» 25000 рублей, на допросе вёл себя вызывающе и отказывался выдать местонахождение этих денег. Позднее он был приговорён к 5, а два других избитых, бандиты Т. и С., — к 10 годам лишения свободы. Одновременно начальник УМВД докладывал партийному руководству Ярославской области о неких случаях вымысла со стороны заключённых в Рыбинском районе, выявленных при проверке военной прокуратуры войск МВД Московского округа [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 73]. Тем самым командование ясно давало понять, что доверяет заявлениям пострадавших в меньшей степени, чем собственным сотрудникам.

Справедливости ради, нужно признать, что не последнюю роль в подобном поведении милиционеров играли размах и жестокость преступности военного и послевоенного времени, примеры которой можно обнаружить в рассекреченных документах органов правопорядка. Лишь в июле-сентябре 1946 г., как сообщил в конце того же года на строго секретном совещании в обкоме ВКП (б) генерал-майор В.В. Губин, в регионе были зафиксированы 25 убийств, 10 разбоев с убийствами и 6 без убийств, 91 грабёж, 1176 краж всех типов, 22 случая скотоконократства и 241 прочее преступление. Более других от действий «уголовно-преступного элемента» страдали города Ярославль и Щербаков, а также Рыбинский сельский, Ярославский сельский и Курбский районы [ЦДНИЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 3]. За совершение различных преступлений правоохранительными органами были привлечены к ответственности 2004 человека, 1007 из них — арестованы [ЦДНИЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 5]. Тревогу била и местная прокуратура. На том же совещании прокурор Ярославской области старший советник юстиции И. Д. Иванов доложил, что количество граждан, привлечённых к ответственности за бандитизм, возросло со 144 во втором полугодии 1945 г. до 211 в первом полугодии 1946 г., за разбой и грабежи — с 312 до 416; за хулиганство — с 429 до 645 соответственно [ЦДНИЯО: ф. 272, оп. 225, д. 97, л. 14].

О некоторых из этих случаев командование силовых структур оперативно докладывало первому секретарю ярославского обкома ВКП (б). Так, в ноябре 1943 г. в Мышкинском районе бежавшие из Рыблага в прошлом многократно судимые за кражи Ш. и С. зверски убили заведующую Тарарыковской неполной средней школой А.Л. Боброву, похитив у неё продукты, плащ и валенки [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 73, л. 235—235-об.]. В Бурмакинском районе в августе 1946 г. неизвестными преступниками из огнестрельного оружия был убит председатель колхоза имени Сталина Мольков. У него были похищены велосипед и колхозная печать [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 9, л. 141]. В январе 1947 г. в Даниловском районе области демобилизованный безработный Т. и ранее судимый временный рабочий леспромхоза П. с целью наживы убили колхозницу М.К. Белову — вдову фронтовика, имевшую на иждивении пятерых несовершеннолетних детей. Преступники похитили у женщины 6000 рублей, но позднее были арестованы и привлечены к уголовной ответственности за разбой [АУФСБ РФ по ЯО: ф. 1, оп. 35, д. 17, л. 6—8].

Местная партийно-советская пресса также не стояла в стороне, публикуя репортажи о громких уголовных проявлениях в послевоенном Ярославле. Например, в ноябре 1945 г. газета «Северный рабочий» писала о заседании ВТ по делу банды из 11 человек, совершившей вооружённые ограбления магазина № 4 ОРС «Красный Перекоп», а также ряда прочих магазинов и склада

«Главтекстильснаба». От рук бандитов погиб горожанин Уточкин, а некоего Зайченкова они приняли за чекиста и тяжело ранили из пистолета. Журналист В. Елисеева особенно подчёркивала, что, несмотря на переживаемые страной трудности послевоенного восстановления, преступники «вели разгульную жизнь», сбывая похищенное и пьянствуя на вырученные деньги в ресторане железнодорожной станции Всполье. Не мог вызвать сочувствие к ним и тот факт, что на суде они пытались отпираться, то есть инсценировали чистосердечное признание, признавались лишь в раскрытых преступлениях и представляли их как цепь случайных обстоятельств. В этой ситуации неудивительно, что публика поддержала обвинительную речь прокурора майора юстиции Грибкова и вынесенный подсудимым суровый приговор аплодисментами [Елисеева].

Примерно через месяц та же газета сообщала о приговоре ещё одной шайке воров. Некие Лузаков, Белов, Нагайцев и Савельева ограбили кладовую отдела снабжения ярославской конторы Наркомата станкостроения, вынеся вещи общей стоимостью 60000 рублей, и магазин торфопредприятия в Рыбинске. Кроме того, на счету той же шайки значились три кражи в районцентре Ростов, ограбление магазина № 63 Яргорторга, а также убийство гражданина Боронина. С особым негодованием «Северный рабочий» упомянул тот факт, что при задержании Лузаков и Савельева назвались супругами Василием и Марией Жуковыми, то есть выдали себя за других людей. ВТ приговорил главаря банды Лузакова к расстрелу, а остальных её членов — на сроки от 3 до 10 лет тюремного заключения [Убийца...].

Если названные преступники совершали противозаконные действия против обычных граждан, то осенью 1944 г. в Рыбинске бандиты в течение месяца убили 3 военнослужащих Красной Армии, включая офицера. Не случайно в постановлении городского комитета обороны от 19 октября 1944 г. работа правоохранительных органов была охарактеризована как «неудовлетворительная», от них срочно потребовали «значительно усилить меры борьбы с нарушителями общественного порядка» [ЦДНИАЮ: ф. 263, оп. 52, д. 202, л. 3]. После окончания войны, как вспоминал начальник 1-го отделения ОУР капитан милиции И.С. Котов, стражам порядка нередко приходилось применять огнестрельное оружие при задержании особо опасных преступников, которые оказывали вооружённое сопротивление [Котов: 41]. При этом они несли потери: в общей сложности лишь в 1944—1945 гг. в Ярославской области в стычках с уголовниками и хулиганами погибли не менее 7 и были ранены 3 работника сил правопорядка [Тумаков: 75—76].

Ещё в 1932 г. крупный советский юрист, профессор А. С. Шляпочников предложил приравнять общеуголовные преступления к контрреволюционным, так как они также «подрывают социалистическое строительство» [Говоров: 145]. После окончания Великой Отечественной войны любые представители криминального мира по-прежнему воспринимались в официальном дискурсе как «враждебные элементы», то есть явные, но скрытые враги Советской власти, или «пережиток прошлого» [Тумаков: 78, 80], а ветераны органов МВД (в недавнем прошлом — фронтовики) в воспоминаниях даже позднего времени характеризовали нарушителей законности как «преступную нечисть» [Аверин: 23]. В силу этого применение незаконных мер по отношению к подсудимым в послевоенные годы в ряде случаев не казалось сотрудникам правопорядка чем-то негативным. Это обстоятельство можно объяснить как низкой правовой культурой советского общества

сталинской эпохи, так и тоталитарным характером политического режима в стране, и, как следствие этого, беспощадным отношением власти к любому потенциальному противнику.

Список источников

- Аверин В. Сыщик // Сыск. 1997. № 3—4. С. 23—27.
 АУФСБ РФ по ЯО (Архив Управления ФСБ России по Ярославской области)
 Губин В. Укрепим общественный порядок и безопасность в Ярославле // Северный рабочий. 1945. 25 ноября.
 Елисеева В. Перед военным трибуналом // Северный рабочий. 1945. 20 ноября.
 Котов И. Послевоенный розыск // Сыск. 2004. № 3. С. 41—46.
 Матвеев А. Назовём поимённо // Северный край. 1993. 19 мая.
 Убийца приговорён к расстрелу // Северный рабочий. 1945. 11 декабря.
 ЦДНІЯО (Центр документации новейшей истории Ярославской области)

Список литературы / References

- Говоров И.В. Советское государство и преступный мир (1920—1940-е гг.) // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 143—152.
 (Govorov I.V. The Soviet State and the Underworld (1920s—1940s), *Voprosy istorii*, 2003, iss. 11, pp. 143—152. — In Russ.)
- Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 229 с.
 (Zubkova E.Y. Post-war Soviet Society: Policy and Everyday Life. 1945—1953, Moscow, 1999. 229 p. — In Russ.)
- История ярославской милиции. Ярославль: Аверс Плюс, 2010. 208 с.
 (History of the Yaroslavl Militia, Yaroslavl', 2010, 208 p. — In Russ.)
- Мамяченков В.Н. «Преступность среди работников милиции чрезвычайно высока»: моральное состояние и служебная дисциплина работников органов внутренних дел Свердловской области в 1946 — начале 1947 гг. // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 196—211.
 (Mamyachenkov V.N. “Crime among police officers is extremely high”: moral state and service discipline of employees of internal affairs bodies of the Sverdlovsk region in 1946 — early 1947, *Nauchnyj dialog*, 2016, iss. 6 (54), pp. 196—211. — In Russ.)
- На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945—1960-е гг. / авт.-сост.: Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 816 с.
 (Zubkova E.Y., Zhukova E.Y. (ed) On the “edge” of Soviet society. Social marginals as an object of state policy. 1945—1960s, Moscow, 2010. 816 p. — In Russ.)
- Тумаков Д.В. Образы уголовных преступников послевоенной эпохи в оценках советских официальных властей и правоохранительных органов (по материалам Ярославской области) // Учёные записки Орловского государственного университета. 2021. № 4 (93). С. 75—80.
 (Tumakov D.V. Images of criminal criminals of the post-war era in the assessments of the Soviet official authorities and law enforcement agencies (based on the materials of the Yaroslavl region), *Uchenyje zapiski Orlovskogo universiteta*, 2021, iss. 4 (93), pp. 75—80. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 04.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Тумаков Денис Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Ярославль, Россия, denistumakov@yandex.ru

Tumakov Denis Vasyievich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Yaroslavl, Russian Federation, denistumakov@yandex.ru